часто и самыя учебныя пособія приходится устроителямъ этихъ школъ покупать на свои скудныя средства. Искренно сочувствуя такимъ добрымъ начинаніямъ православнаго духовенства на пользу народнаго просвѣщенія, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство поручить всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа, имѣющимъ ближайшее отношеніе къ начальнымъ школамъ, оказывать полное содѣйствіе православному духовенству къ открытію и поддержанію церковно-приходскихъ школъ, снабжая послѣднія по мѣрѣ возможности учебными пособіями изъ складовъ училищныхъ дирекцій. Я убѣжденъ что ваше превосходительство вполнѣ раздѣляете мнѣніе всѣхъ религіозно-настроенныхъ людей касательно особой важности и пользы подобныхъ школъ во всякое и особенно въ настоящее время, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что только ближайшее и дѣятельное участіе духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія можетъ придать послѣднему тотъ глубоко-религіозный характеръ, который такъ необходимъ и дорогъ Русскому народу. О случаяхъ нравственной поддержки церковно-приходскихъ школъ и матеріальныхъ имъ пособіяхъ я покорнѣйше прошу ваше превосходительство доводить до свѣдѣнія министерства въ отчетахъ по ввѣренному вамъ округу».

— Въ засѣданіи Императорскаго общества любителей древней письменности, состоявшемся въ пятницу, 23 го декабря 1883 г., подъ предсѣдательствомъ князя П. П. Вяземскаго, членомъ корреспондентомъ Н. В. Султановымъ, было сдѣлано весьма интересное сообщеніе объ одномъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ древне-русскаго зодчества,—о *церкви* въ подмосковномъ *селѣ Останкинѣ*, которое, какъ извѣстно, первоначально принадлежало роду князей Черкасскихъ, а потомъ, въ XVIII вѣкѣ, перешло въ родъ графовъ Шереметевыхъ.

Эта церковь, по словамъ докладчика, представляетъ собою самое полное выраженіе русскаго зодчества XVII вѣка.

Благодаря своему высокому художественному достоинству, эта церковь пользуется громкою извѣстностью между архитекторами и художниками и въ настоящее время стала распространяться въ большомъ количествѣ фотографическихъ снимковъ не только у насъ, но даже и за границею; но за то этому памятнику древнерусскаго зодчества очень не посчастливилось въ нашей археологической литературѣ и она даже не попала въ «Русскую Старину» Снегирева и Мартынова, гдѣ, надо замѣтить, помѣщено немало снимковъ съ церквей, которыя несравненно ниже ея въ художественномъ отношеніи. Сколько извѣстно, первое печатное ея изображеніе появилось въ 70-хъ годахъ въ одномъ изъ русскихъ иллюстрированныхъ изданій. Затѣмъ покойный В. А. Прохоровъ помѣстилъ рисунки этой церкви въ своемъ изданіи «Христіанскія Древности», но эти рисунки представляютъ собою небольшія литографіи съ фотографическихъ снимковъ: ни плановъ, ни разрѣзовъ нѣтъ, а краткій текстъ сводится весь къ нѣсколькимъ печатнымъ строкамъ.

Церковь села Останкина, какъ и многія другія, сильно пострадала отъ позднѣйшихъ передѣлокъ и надстроекъ, но въ 1878 г. она была возстановлена въ древнемъ видѣ докладчикомъ—Н. В Султановымъ и архитекторомъ г. Серебряковымъ; при этомъ во время производства работъ церковь была обнесена лѣсами до самаго креста, которые дали возможность Н. В. Султанову сдѣлать подробный обмѣръ всѣхъ ея частей.

Графъ С. Д. Шереметевъ рѣшился издать подробные чертежи и рисунки этого чрезвычайно интереснаго памятника, съ пояснительнымъ текстомъ, причемъ составленіе чертежей, равно какъ и пояснительнаго текста, поручилъ докладчику, съ тѣмъ, чтобы эти чертежи были представляемы для обозрѣнія въ Императорское общество любителей древней письменности. Изданіе предполагается въ «большой листъ», отъ 20—30 листовъ, съ подробнымъ текстомъ. Въ настоящее время Н. В. Султановъ приготовилъ чертежи плановъ обоихъ этажей церкви.—На одномъ изъ этихъ плановъ изображенъ нижній этажъ церкви, или, такъ называемый, подклѣтъ, въ которомъ ничего не помѣщается, и который устроивался только для того, чтобы возвысить храмъ надъ землею; на 2-мъ—изображенъ 2-й этажъ, въ которомъ помѣщается главный храмъ— во имя св. Тройцы, южный придѣлъ во имя св. Александра Свирскаго и сѣверный придѣлъ Тихвинскія Божія Матери; кромѣ того, главный храмъ обнесенъ вокругъ ходовыми папертями, которыя упираются по бокамъ въ придѣлы, и имѣютъ съ боковъ два крытыхъ крыльца (сѣверное и южное). Съ западной стороны, по средней оси зданія, расположена въ связи съ нимъ колокольня.

На этихъ планахъ показаны какъ позднѣйшія части, которыя были сломаны при возстановленіи, такъ равно и древнія части, которыя были возстановлены въ это же время. Въ заключеніе своего сообщенія Н. В. Султановъ заявилъ, что, по мѣрѣ того какъ будутъ изготовляться прочіе чертежи, онъ будетъ представлять ихъ вниманію общества.

— «Моск. Вѣд.» сообщаютъ, что по собраннымъ свѣдѣніямъ, всѣ пожертвованія и вклады, сдѣланные въ Сибири по поводу трехсотлѣтія, группируются такимъ образомъ: Въ Иркутскѣ пожертвовано 150.000 р. для устройства дома умалишенныхъ. Иркутская дума внесла пять стипендій въ Сибирскій университетъ, г. Хаминовъ пожертвовалъ домъ въ 102.000 р. и 100.000 р. денегъ на учрежденіе городскаго училища въ Томскѣ. Потомственный почетный гражданинъ Цибульскій внесъ 5.000 руб. на стипендію имени Ермака въ Сибирскомъ университетѣ, въ Тобольскѣ получено изъ Восточной Сибири отъ г. Нѣмчинова 10.000 р., которые распредѣлены такъ: на стипендію въ мѣстной гимназіи имени Ермака 5.000 р., духовенству на поминъ души Ермака 2.000 р. и по 1000 р. въ пользу пріюта, ремесленнаго училища и на устройство будущей сибирской выставки.

ИННОКЕНТІЙ,

МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ И КОЛОМЕНСКІЙ.

(«Иннокентій, митрополитъ московскій и коломенскій, по его сочиненіямъ, письмамъ и разсказамъ современниковъ». Соч. Ивана Барсукова. Москва, 1883.)

(Продолженіе).

Посвященіе въ епископы.—Путешествія и миссіонерство.—Письма къ дѣтямъ.—Переселеніе въ Якутскъ.—Путешествіе по Амуру.—Миссіонерскія поѣздки.—Переселеніе въ Благовѣщенскъ и послѣднее путешествіе по Амуру.

Легко представить, съ какимъ чувствомъ преосвященный Иннокентій въѣзжалъ при колокольномъ звонѣ въ Иркутскъ, гдѣ провелъ свою юность, и вступалъ теперь архіереемъ въ ту Благовѣщенскую церковь, въ которой началъ свое служеніе діакономъ и гдѣ теперь священники, бывшіе его товарищи, подходили къ нему за благословеніемъ. «Въ этотъ же день, пишетъ г. Барсуковъ, въ архіерейскій домъ, гдѣ остановился преосвященный Иннокентій, къ нему явился за благословеніемъ бывшій его учитель, старецъ протоіерей Парняковъ, префектъ семинаріи, читавшій философію, и склонился преосвященному въ ноги. Это чрезвычайно тронуло Иннокентія, и онъ тотчасъ же поднялъ его и сказалъ ему: «Не вамъ падать на колѣни предо мною, а мнѣ предъ вами; благодаря вамъ я вышелъ въ люди», и съ этими словами опустился на колѣни». На пути изъ Иркутска онъ посѣтилъ родное село Ангинское и хижину, въ которой родился. Въ 1841 г. преосвященный Иннокентій, послѣ долгаго и утомительнаго путешествія, прибылъ на свою епископскую каѳедру въ Новоархангельскъ, и здѣсь началось его миссіонерское служеніе, еще болѣе дѣятельное и плодотворное.

Первымъ его дѣломъ было обозрѣніе своей обширной епархіи, и вотъ начинается почти непрерывный рядъ его странствованій по самымъ дикимъ краямъ Востока. Жители отдаленной окраины въ первый разъ увидали архіерея: алеуты съ восторгомъ встрѣтили своего проповѣдника и на Уналашкѣ поднесли ему искусно сплетенные изъ корней и травъ орлецы, употребляемые при архіерейскомъ богослуженіи. Посѣтивъ острова, преосвященный Иннокентій прибылъ въ Петропавловскъ и оттуда отправился путешествовать по Камчаткѣ. Предстояло ѣхать на собакахъ, и вотъ какъ описываетъ это бывшій съ владыкою протоіерей Громовъ: «Въ нашемъ поѣздѣ было двѣнадцать повозочекъ, въ которыхъ помѣщались: преосвященный, я, взятый изъ Большерѣцка священникъ, іеродіаконъ, иподіаконы, келейники и пѣвчіе, да для клади четыре нарты. Полагая для 16 экипажей среднимъ числомъ по 15 собакъ для каждаго, для всей кавалькады требовалось около 300 собакъ. У моей повозки былъ привязанъ колокольчикъ, съ тою цѣлію, чтобы въ случаѣ надобности во мнѣ преосвященному, удобнѣе было отыскать меня среди тянувшихся гусемъ, на протяженіи 200 саженъ, повозочекъ». Приходилось проѣзжать такимъ образомъ цѣлые дни, не встрѣчая человѣческаго жилья, и останавливаться среди снѣжной пустыни. При выѣздѣ изъ Лѣснаго надобно было прослѣдовать темнымъ ущельемъ, и камчадалы опускали въ него епископа, прорубая ступени въ снѣгу и держа концы ремня, которымъ въ видѣ кушака былъ окутанъ преосвященный. «Какъ сейчасъ вижу епископа Иннокентія—пишетъ тотъ же его спутникъ—въ темную зимнюю ночь сидящаго въ одѣяніи изъ оленьихъ кожъ, на камнѣ, освѣщаемаго заревомъ, отражающимся на вершинахъ горъ, окружающихъ пропасть, среди добродушныхъ дѣтей природы—камчадаловъ, грызущихъ юколу, и между не одною сотнею маленькихъ ѣздовыхъ животныхъ, свернувшихся, въ клубки и крѣпко заснувшихъ отъ утомленія. Ни одному изъ русскихъ іерарховъ не доводилось еще вносить свое благословеніе въ подобныя юдоли». Самъ преосвященный говоритъ объ этой поѣздкѣ своей: «Повозочка моя, въ которой я ѣхалъ во всю дорогу, была весьма похожа на гробъ, т. е. также узка и длинна и такой же формы,—только тѣмъ отличалась отъ гроба, что на полозьяхъ и на задней части оной былъ зонтъ. Нерѣдко случалось ѣхать по узкой дорогѣ, пробитой между глубокими снѣгами, и тогда мнѣ казалось, или приходило на мысль, что я ѣду въ гробѣ по длинной могилѣ: ибо только стоило остановиться и велѣть зарыть себя. Болѣе двадцати пяти дней проведены внѣ всякихъ жилищъ»... И такъ преосвященный Иннокентій проѣхалъ до Берингова пролива, совершивъ болѣе пяти тысячъ верстъ и внося евангельскую проповѣдь къ дикимъ корякамъ, чукчамъ и тунгусамъ. Чтобы представить страшныя трудности этого путешествія, надо читать подробные разсказы объ этомъ, приведенные въ книгѣ г. Барсукова. Едва ли могутъ сравниться съ этимъ какія нибудь описанія странствователей по самымъ глухимъ пустынямъ.

Подобныя путешествія преосвященный Иннокентій совершалъ много разъ: цѣлыя тысячи верстъ онъ объѣздилъ на оленяхъ и собакахъ, на лодкахъ и кожаныхъ байдаркахъ, испыталъ жестокіе морозы на сушѣ и страшныя бури въ моряхъ. Нечего говорить о томъ, какимъ онъ подвергался опасностямъ и лишеніямъ. И все время епископъ былъ занятъ своимъ апостольскимъ служеніемъ: основывалъ церкви, посвящалъ священниковъ, служилъ литургіи, крестилъ новообращаемыхъ язычниковъ, поучалъ народъ и гдѣ можно заводилъ училища для дѣтей инородцевъ. Знаніе мѣстныхъ языковъ, умѣнье говорить съ простыми людьми понятнымъ для нихъ словомъ, простота обращенія, благодушіе и искренность привлекали къ миссіонеру туземцевъ на всемъ его пути, и они,